

Священник Манфред Дезелерс

Богopodobие массового убийцы? Бог и зло в биографии Рудольфа Хёсса

Статья написана в рамках богословия «после Освенцима» и локализует традиционный вопрос «где был Бог в Освенциме?» до вопроса «где был Бог в жизни коменданта Освенцима?» Автор анализирует социальные, исторические, биографические, психологические условия, повлиявшие на формирование коменданта Освенцима Рудольфа Хёсса и ставит вопрос о Боге и зле в его жизни. В основу статьи положен подробный анализ автобиографии Хёсса «Моя душа. Становление, жизнь и переживания», который позволяет проследить постепенную редукцию Богосообразности во внутреннем мире Хёсса, связанную с предательством голоса сердца и заменой совести национал-социалистической идеологией, а также процесс нарастания структур зла, расщепляющих мир на внутренний и внешний и превращающих жизнь в борьбу против врагов, которых нужно подчинить или уничтожить. Богословский вопрос сохранения «образа Божьего» в человеке, ставшем массовым убийцей, автор статьи связывает с библейским понятием «сердца», экзистенциального центра человека, открытого или закрытого по отношению к Другому — Богу и человеку. В конце исследования формулируется антиномия между бесконечным милосердием Божьим и его абсолютной справедливостью, в свете которой может быть поставлен вопрос о судьбе преступников в эсхатологической реальности.

ключевые слова: Рудольф Хёсс, богословие «после Освенцима», образ Божий, национал-социализм, покаяние.

Предварительные замечания

Нам трудно смотреть на убийцу множества людей и стремиться понять его; верить, что Бог любит всех людей, а значит, и его. Почему же в нас что-то почти инстинктивно этому противится?

Я полагаю, этому есть прежде всего две причины:

- во-первых, попытавшись понять преступника, мы боимся забыть о жертвах, больше не принимать их всерьез или даже предать их, тем самым сделав их еще большими жертвами. Тогда мы тоже становимся виновны, предавая справедливость;

• во-вторых, мы боимся слишком приблизиться к преступнику, начать понимать его слишком хорошо. Тогда он перестанет быть частью другого мира, не имеющего никакого отношения к нашему, мира, который мы можем осудить и отграничить от себя. Тогда преступник становится как бы одним из нас, похожим на нас, а это внушает страх.

Однако есть две веских причины, по которым мы должны отважиться взглянуть на преступника с христианской позиции.

Когда случается преступление, мы, естественно, сначала должны позаботиться о жертвах. Но затем мы можем спросить себя: почему оно случилось, какова была мотивация убийцы и может ли случиться подобное в нашей жизни. Только так мы почерпнем что-то для своей ответственности и не дадим себе стать преступниками.

Если мы всерьез относимся к нашей собственной вере, мы должны спросить: «Где же был Бог в Освенциме?» Сегодня мы живем в культуре «после Освенцима». Если в Освенциме Бога не было, то где же он должен быть теперь? Поэтому мы должны спросить также: «Где был Бог в жизни коменданта Освенцима?»

1. Введение

Теология, или богословие, — всегда плод встречи веры и жизни. Вера освещает жизнь, жизнь задает вопросы вере. Взглянув на биографию преступника, мы задаемся вопросами: разве он тоже имеет в себе «образ Божий»^{*1}? Любит ли и его Бог^{*2}?

^{*1} Быт 1:27

^{*2} Мф 5:44–48

Наши дальнейшие размышления будут связаны с вопросом о Боге и зле в биографии Рудольфа Хёсса, коменданта Освенцима¹. Свою автобиографию «Моя душа. Становление, жизнь и переживания» Рудольф Хёсс, бывший комендант лагеря уничтожения Освенцим, завершает в краковской тюрьме в феврале 1947 г. такими словами:

Пусть общество спокойно продолжает видеть во мне кровожадную бестию, ужасного садиста, убийцу миллионов — ведь широкая масса иначе и не может представить себе коменданта Освенцима. Она ведь никогда не смогла бы понять, что у него тоже было сердце, что он не был плохим [*Autobiographische Aufzeichnungen*, 156].

1. Подробнее в книге: [Deselaers]. В издательстве СФИ к печати готовится русский перевод: Дезелерс М. «И Вас никогда не мучила совесть»? Биография Рудольфа Хёсса, коменданта Освенци-

ма, и вопрос его ответственности перед Богом и людьми / Пер. с нем. О. С. Асписовой и Е. В. Соколовой. М : СФИ, 2019. — *Прим. ред.*

Текст этот затрагивает самую сердцевину проблемы: Хёсс не был бессовестным животным, не был «кровожадной бестией». Хёсс не был больным человеком, которого нельзя привлечь к ответственности, не был «ужасным садистом». Но, тем не менее, он был «убийцей миллионов». Именно потому что у него «было сердце», он нес ответственность за происходившее — и только исходя из этого — можно ставить вопрос: «был ли он плохим?»

Вопрос о сердце — ключевой для нашего размышления. Это основной вопрос о том «месте» в человеке, где принимается решение об открытости или закрытости Богу и человеку; откуда определяются отношения с людьми; в котором наша постоянная, бесконечная тоска по Богу обретает определенное направление. Вопрос о Боге и зле в жизни Рудольфа Хёсса — это вопрос о любви в его жизни.

Где в жизни человека место для отношений с Богом? Что именно мы имеем в виду, когда говорим о Боге? Национал-социалистическое мировоззрение было антиеврейским и антихристианским, но в собственном его понимании не атеистическим. Вожди СС называли себя «верующими в Бога». Но истинное отношение к Богу — это отношение к таинству Любви, которая «все покрывает, всему верит»^{*1} и в то же время зовет человека к бесконечной ответственности перед другим человеком. Поскольку отношения с Богом и любовь неотделимы друг от друга, от них следует отличать то, что выдает себя за отношения с Богом, но на деле является лишь далеким от любви, эгоистичным идолослужением, а потому на самом деле атеистическим отношением к так называемому «Богу». Такое отношение в принципе не отличается от установок, сознательно отвергающих Бога. С другой стороны, установки, считающие себя далекими от Бога, но изначально доверяющие любви, являются «анонимными» отношениями с Богом. Поэтому мы ищем любовь, когда спрашиваем о Боге.

2. Любовь предполагает любовь

Как каждый человек, Рудольф Хёсс обладал от природы живой связью с Богом. В самой глубине своей идентичности каждый человек есть тот, к кому обращена речь и кто дает ответ, — создание Божье. В этом основа человеческого достоинства Рудольфа Хёсса. Это достоинство, с одной стороны, означает бесконечное приятие, а с другой — бесконечное призывание.

*1 1 Кор 13:7

Приятие: Бог желает жизни Рудольфа Хёсса. Он должен быть самим собой. Он выпущен Богом на свободу. Человек — не функция Бога, а Его личный собеседник. Божественное приятие свободного человека не прекращается и тогда, когда тот принимает решение против Бога.

Призывание: Любовь зовет к любви. Рудольф Хёсс, как и всякий человек, есть тот, кто осуществляет свое человеческое бытие, отвечая любовью на любовь и беря на себя ответственность.

Эта естественная связь с Богом передается человеческим путем. Благодаря людям Рудольф Хёсс узнает, что в этом мире он желанен и признан. Благодаря людям он призван принять ответственность за этот мир.

Рудольфу Хёссу, родившемуся в 1901 г., такое приятие выпало в ранние годы его жизни. Это в особенности относится к матери, которую он описывает как «сердечную, бесконечно добрую (слишком добрую)» [*Batawia*, 28–29]. Эти добрые воспоминания отзовутся в конце жизни Хёсса, когда он будет сожалеть, что слишком мало отвечал на любовь.

Материнская любовь и материнская забота — это самое прекрасное и драгоценное, что есть на Земле. Я тоже осознал это только когда было уже слишком поздно, и я жалел об этом всю жизнь².

Теплый свет матери затемнен, к сожалению, холодной тенью отца, который не давал поддержки любви. Отец не был непредсказуемым деспотом; напротив, он был человеком «уравновешенным, очень прямым, с необычайно строгими этическими принципами» [*Batawia*]. Но строгое воспитание было лишено любви. Ценностный мир существовал подобно тоталитарной системе. Если хочешь принадлежать к целому, то должен вести себя, как колесико в машине. Но и колесико может порой стать очень важным, потому что от его работы зависит все. В таком духе воспитывалось сознание Рудольфа Хёсса. Признание отца можно было завоевать только выполняя его требования — а они «по-военному строги» и «фанатично религиозны». Связь с религией полностью подчинялась авторитарной связи с отцом. Самым крайним образом это проявляется в призывании, которое отец определил для сына, не спросив его. Отец

2. Wspomnienia Hoessa. 5. Archiwum Państwowego Muzeum w Oświęcimiu (APMO). Ark. 488.

Хёсса принес обет, что сын станет священником. Рудольф Хёсс писал о своем отце:

Из-за чего я был особенно упрям и позднее, вероятно, отгородился от людей, так это манера, с которой отец давал мне почувствовать, что я якобы нанес ему личную обиду и, поскольку я духовно безобразно ниже его, отвечать перед Богом за мои грехи должен он. И я мог лишь молиться, чтобы принести покаяние в моих грехах. Мой отец был своего рода высшим существом, к которому я никогда не мог приблизиться. <...> Думаю, это ханжеское воспитание виной тому, что я стал таким замкнутым [*Gilbert, 261*].

Отец обманывает сына, давая понять, что тот ценен лишь в отцовской системе. Хёсса не научили, что он любим Богом сам по себе, независимо от роли, и что Бог готов прощать ошибки. Религиозность отца на самом деле была атеистической, лишённой Бога, потому что была лишена любви. Это очень затруднило истинную связь с Богом. Такое впечатление складывается из воспоминаний Хёсса.

Естественно, что мальчик стремится уйти из сферы влияния отца и замыкается в себе. Друзей у него нет и не будет всю жизнь. Лучше всего он чувствует себя на природе, в одиночестве. Основными чертами характера Рудольфа Хёсса на всю жизнь останутся внутренняя замкнутость, неспособность довериться другим; стремление быть признанным у людей авторитетных; требование строгого подчинения от других людей.

3. Бегство

Рудольф Хёсс отдалялся от домашних и чувствовал все больше притяжения к совсем другой среде. В 1914 г., почти одновременно с началом мировой войны и появлением первых госпиталей в его родном городе Маннгейме, умирает отец. В жизни Хёсса «больше нет сильной направляющей руки отца» [*Autobiographische Aufzeichnungen, 29*]. В возрасте 15 лет Рудольф попытался уйти из дома и «не упустить по крайней мере эту войну» [*Autobiographische Aufzeichnungen, 29*]. Для него это был путь к самоосуществлению. Когда сам Рудольф Хёсс говорил о призвании, о внутреннем зове своей жизни, то он говорил о солдатской жизни.

После окончательного разрыва с семьей он «снова обрел родину, чувство защищенности в боевом товариществе» [*Autobiographische Aufzeichnungen, 35*]. Приятие, которого не да-

вала родительская среда, он находит именно здесь. Но что это за приятие? Здесь все определяет объединяющая задача, товарищество в боевом братстве. Его принимали не ради него самого, а ради его достижений. Боевое товарищество жило тем, что «в нужде и опасности один безусловно мог положиться на другого» [*Autobiographische Aufzeichnungen*, 35]. А на Рудольфа Хёсса можно было положиться. Многократно награжденный унтер-офицер, самый младший по возрасту в армии, командовал кавалерийским подразделением, которое в одиночку прошло с боями пол-Европы, он стал вождем и героем. Приятие, которое встретилось ему здесь, стало плодом его успехов, в глубине души он остался так же одинок: «одиночка, который должен был сам справляться со всеми внутренними переживаниями, со всеми волнениями» [*Autobiographische Aufzeichnungen*, 35].

Проявляется и типичное для структуры зла расщепление мира на внутренний и внешний, причем внешний утрачивает все этические притязания. Тепло, человечность, хотя и искаженная, встречается только «внутри», в своем сообществе. Борьба — это самоутверждение против врагов, которых нужно подчинить или уничтожить. Те, против кого борются, не существуют как люди, обладающие некоей ценностью. При этом ужас убийства надо просто преодолеть, он не содержит никакого послания, которое следует услышать. Солдатское ремесло не слышит голоса сердца. Сам Хёсс называет этот голос голосом «солдатской крови» [*Autobiographische Aufzeichnungen*, 29].

То, что в это время в нем «угасло пламя веры», уже не удивляет³. Выход из церкви в 1922 г. стал внутренне последовательным действием, и он закрепил расставание с католической средой его родителей.

Время в начале 1920-х гг. для молодого Хёсса проходило весьма быстро. События влекли его за собой. Уход из дома и погружение в солдатскую жизнь Первой мировой войны вряд ли можно считать зрелыми решениями.

4. Решение

С 1924 по 1928 гг. Рудольф Хёсс провел в тюрьме, потому что группа, к которой он присоединился после войны, совершила убийство человека, считавшегося предателем. Хёсс быстро сумел

3. АРМО. Höß-Prozeß. Т. 21. Ark. 21.

приспособиться к тюремной системе и стал образцовым заключенным [*Autobiographische Aufzeichnungen*, 45].

Для него это стало временем осмысления. Он читал многое из того, что было связано с современным движением в Германии: история, расовое учение, национал-социалистическая литература, а также журнал нового движения «артаманов» о поселениях единомышленников. На этом фоне и было принято самое важное и ответственное решение его жизни — решение присоединиться к движению «артаманов». Так он собирался в будущем способствовать восстановлению Германии:

Восстановлению на долгий срок и с далеко идущей целью — я хотел жить в поселении! За долгие годы заключения в камере мне стало ясно — для меня есть только одна цель, ради которой стоило работать, бороться, — заработанная своим трудом крестьянская усадьба, со здоровой, большой семьей. Это должно было стать содержанием моей жизни, моей жизненной целью [*Autobiographische Aufzeichnungen*, 53].

В 1929 г. он стал членом Союза артаманов. Когда в 1933 г. Гитлер пришел к власти, Генрих Гиммлер, так же член Союза артаманов, получил задание выстроить СС («отряды охраны») как третью вооруженную группировку в государстве, наряду с полицией и армией. Хёсс перешел в действующую службу СС, ради которой ему пришлось, правда, расстаться с работой в крестьянском хозяйстве, но и здесь преобладала прежняя идеология. Хёсс пишет:

Моя безудержная любовь к отечеству, национальное самосознание привели меня в НСДАП и в СС. Национал-социалистическое мировоззрение я считал единственным, подходящим по роду немецкому народу. По моему убеждению, СС была наиболее деятельной поборницей такой жизненной установки. И только она была способна постепенно вернуть весь немецкий народ к жизни, соответствующей ему по роду [*Autobiographische Aufzeichnungen*, 155].

5. Мировоззрение СС

По многим высказываниям Хёсса понятно, какую квазирелигиозную роль играло в его жизни национал-социалистическое мировоззрение. После войны психолог Г. М. Гильберт подвел итог беседам с Хёссом в тюрьме: «кажется, что религию он заменил

нацистской пропагандой» [Gilbert, 261], окончательно порвав с церковью.

Обозначим несколько важных аспектов.

Свастика, символ национал-социализма, была намеренно противопоставлена кресту, символу христианства. Солнечный символ (колесо повозки) как знак жизненной силы противостоял кресту как якобы символу смерти, слабости и страдания. Немецкая культура должна была вернуться к витальной германской философии природы, к дохристианской эпохе (находившейся под влиянием еврейства). Свастика была символом возрождения Германии⁴.

Национал-социалисты не считали себя атеистами. Они признавали, что «Бог» неким образом существует как творец мира и его порядка и как присущая миру жизненная сила. Но с Богом нельзя войти в личные диалогические отношения. Связь с ним возникает благодаря участию в жизненной борьбе, составляющей сущность тварной жизни.

Воля Бога в том, чтобы восстановить творение в подобающем виде. Избранный народ немцев-арийцев обладает при этом руководящей функцией и воплощает в себе прототип истинного человека. Поляки, славяне, как люди низшей расы, должны быть подчинены немцам и служить им. Евреев нужно уничтожить как вредителей. В особенности следует бороться с первородным грехом, заключенным в смешении рас. Поскольку многое стало запутано и порядок творения оказался под угрозой, Провидение послало Гитлера, который взял на себя руководство решительной борьбой по спасению Германии. Чтобы борьба была успешной, он должен иметь возможность полностью положиться на элитную организацию своих апостолов, орден СС. Абсолютная покорность вождю есть поэтому абсолютная покорность воле Бога; она соответствует глубочайшей жизненной силе природы, сравнимой с инстинктом, который есть у животных; совесть заключена в спонтанном, безусловном следовании этому зову крови. Когда борьба завершится, семьям будет обеспечена здоровая жизнь, а немецкий народ пребудет вечно.

Поведение Хёсса в СС можно понять только исходя из этого мировоззрения.

Я как старый, фанатичный национал-социалист принимал это как данность — точно так же, как католик верит в свои церковные догматы. Это

4. См.: [Rosenberg].

была просто истина и ее нельзя было подвергать сомнению; я нисколько не сомневался в этом [Gilbert, 260].

Всей жизнью, «душой и телом» [Autobiographische Aufzeichnungen, 152], погрузился Хёсс в мир национал-социализма. Здесь нашел он свое «призвание» и свою «главную задачу»: построить и расширить лагерь Освенцим [Autobiographische Aufzeichnungen, 96]. Вот что говорит Хёсс о задаче уничтожения евреев:

А когда меня вызвал к себе Гиммлер, я принял это поручение как то, с чем уже давно согласился прежде не только я, но и каждый. Я считал это абсолютно правильным, несмотря на этот приказ, который потряс бы и более сильных и хладнокровных людей. <...> ...И хотя я на какое-то время пришел в ужас... все так совпадало с тем, что мне внушалось годами. Сама проблема, искоренение еврейства, была не новой — просто то, что именно мне самому предстоит осуществлять его — поначалу пугало меня. Но после того, как я получил однозначный, прямой приказ и даже пояснение к нему — оставалось ничего другого, как только выполнять его [Gilbert, 260–261].

Чудовищная сила этого движения шла от всеохватного мировоззрения, благодаря которому оно толковало себя как движение спасения. Идеология подражает добру, отделившись от добра. Была объявлена Божья воля, зло локализовано, разработана мораль и смысл жизни найден в главной задаче — в борьбе против притязания, исходящего от Другого, в борьбе против прав любви, в бессердечной борьбе против Бога. Это была структура зла в жизни коменданта Освенцима.

6. Угрызения совести

Но только ли изначальное воспитание, только ли идеология, «движение», виноваты в преступлениях коменданта Освенцима или все-таки лично Рудольф Хёсс? Разве не существует голоса совести, пробивающегося сквозь идеологическую закрытость? Есть ли у Бога шанс противостоять системе зла?

Рудольф Хёсс был «добросовестным» человеком, но отделенным от божественного голоса совести, от царствия любви. Правда, в конце своей автобиографии он подчеркивает, что у него «тоже было сердце» [Autobiographische Aufzeichnungen, 156], но именно его он подавил во время службы национал-социализму: «я хотел слыть суровым, чтобы меня не считали мягким» [Autobio-

graphische Aufzeichnungen, 68, 70]. Это начало зла в жизни коменданта Освенцима, момент, когда было принято основополагающее этическое решение, произошло отделение от Бога.

Вместо того, чтобы держаться за Бога, он держался за идола, за движение, дававшее ему признание и смысл. Во время процесса в Варшаве прокурор доктор Тадеуш Циприан спросил обвиняемого:

«Думали ли Вы, выполняя функцию уничтожения людей, что это совпадает с принципами морали?» — «В тот момент, получив приказ, и в первое время этой акции я об этом не думал. Я получил приказ, и приказ, а также обоснование этого приказа были для меня определяющими». — «И у Вас никогда не было угрызений совести?» — «Позже были». «Когда?» «Когда прибывали большие транспорты, когда ежедневно приходилось уничтожать в основном женщин. Тут у каждого, кто принимал в этом участие, возникало ощущение: а нужно ли это?»⁵

Голос сердца, связывающий нас с другими, с Богом, никогда не умолкает полностью. Это часть нашей человеческой природы. Он снова и снова проникает в любую эгоистическую и идеологическую замкнутость. Он свидетельствует о разрушаемости зла и он есть основа нашей свободы. Он — критерий, по которому мы должны мерить себя.

Как Хёсс поступил с укорами совести? Он подавлял и вытеснял их. «Тогда я садился верхом и бешено мчался прочь от ужасных картин» [*Autobiographische Aufzeichnungen*, 133–134]. Хёсс не принимал укоры совести всерьез, как призыв изменить собственную жизнь. Сущностным грехом Рудольфа Хёсса было предательство голоса сердца.

Но в душе Хёсс не мог справиться с этим раздвоением.

Часто случалось, что дома, занимаясь чем-то, я вдруг мысленно присутствовал при уничтожении. Тогда мне нужно было выйти на улицу. Я не выдерживал в кругу своей любимой семьи. Меня часто посещали мысли, когда я видел, как наши дети счастливо играют, а моя жена необыкновенно счастлива с самым младшим: сколько же продлится ваше счастье? <...> Когда видишь, как женщины с детьми идут в газовую камеру, невольно думается о своей семье. С началом массового уничтожения в Освенциме я уже не был счастливым. Я стал недоволен собой [*Autobiographische Aufzeichnungen*, 133–134].

5. АРМО. Höß-Prozeß. Т. 23. Ark. 127–128.

Хёсс убивал не только других людей. Вместе с отношением к ним он убивал собственную человечность.

7. Обращение

После развала Третьего рейха 11 марта 1946 г. Хёсс был обнаружен и арестован английской полицией полевой службы безопасности. С самого начала Хёсс был готов давать показания и признал свою ответственность как комендант лагеря Освенцим. Среди крупных военных преступников Хёсс с его трезвой готовностью дать показания и отказом от попыток свалить вину на других был редким исключением⁶. Главный судебный процесс против Хёсса начался 2 марта 1947 г. в Варшаве и закончился 2 апреля 1947 г. смертным приговором. Рудольф Хёсс был повешен 16 апреля 1947 г. на территории бывшего концентрационного лагеря Освенцим.

Несколько ранее, в феврале 1947 г., он написал в краковской тюрьме автобиографические заметки «Моя душа. Становление, жизнь, переживания». В них он подводит итог: «Я по-прежнему национал-социалист с точки зрения понимания жизни» [*Autobiografische Aufzeichnungen*, 152]. Однако и это изменилось. В конце концов он окончательно порвал с национал-социалистическим мировоззрением. Сразу после окончания судебного процесса и перевода в тюрьму в Вадовице он попросил о встрече с католическим священником. Патер Лон, иезуит, 10 апреля 1947 г. провел с Хёссом многочасовую беседу, после чего тот снова вернулся к церкви и исповедался. В завершение он по собственному почину написал «Заявление» и передал его прокурору для публикации:

Совість заставляє мене зробити наступне заявлення. В уєдинєннї мого заклучєннє я прїшєл к горькому виводу, що тяжко грєшил перед чєловєчєством. Як комендант лаєрєя унїчтєжєннєя Осєвєнцим я осущєствлял часьт чудовищних плєнов «Трєтьєго Рейха» по массовому унїчтєжєннєю. Так я прїчинил чєловєчєству и чєловєчєности вєличайший вєрд. В особєннєности польскому народу я прїнес несказаннє страданнєя. За свою ответствєннєсть я расплачиваюсь жїзнью. Да прєстит мнє Господь Бог коєда-нїбудь

6. См.: [Batawia, 12]. В заключительной речи защитник сравнивает Хёсса с другими: Im Schlussplädoyer vergleicht der Verteidiger Ostaszewski Höß diesbezüglich ausführlich mit anderen SS-Größen. АРМО. Höß-Prozeß. Т. 30. Ark. 88–90.

мои поступки. Я прошу польский народ о прощении. Только в польских тюрьмах я впервые узнал, что такое человечность. Несмотря на все содеянное, мне была оказана человечность, которой я никогда не ожидал, которая повергла меня в глубочайший стыд. Пусть нынешние разоблачения и описания чудовищных преступлений, совершенных против человечества и человечности, приведут к тому, чтобы раз и навсегда стали невозможны даже предпосылки таких ужасающих событий. Рудольф Франц Фердинанд Хёсс, Вадовице, 12 апреля 1947 г.⁷

Хёсс впервые признает ответственность за то, что произошло в Освенциме, не только в правовом смысле, «как комендант лагеря», но и в этическом. Каким бы впечатляющим ни было это заявление, по нему понятно, что это еще не может быть последним шагом. В частности, по отношению к еврейскому народу и многим другим жертвам нет раскаяния и не произнесена просьба о прощении. Вступление в Католическую церковь и исповедь не требуют от человека совершенства. Не требуется и полностью понимать себя и управлять собой. Но определенно требуется искреннее стремление жить в близости к Богу. Взгляд Бога исполнен любви, но еще и правдивости. Предстать перед взглядом Бога означает научиться видеть себя по-новому и распознавать объективный грех там, где не было субъективного чувства вины.

Что означает прощение грехов? Того, что произошло, не исправить, в том смысле, что не наступит такого состояния, чтобы бывшее стало не бывшим. Такого прощения не бывает. Священник, выслушавший исповедь, мог лишь сказать, что Бог готов обновить связь с ним. Бог не говорит, что такой человек, как Хёсс не имеет права на существование и что он непременно навеки проклят. Но восстановление связи с Богом восстанавливает связь со всеми людьми. Не бывает отдельного спасения. Хёсс уже не в состоянии понять себя без его ответственности перед жертвами.

Кровь Авеля вопиет от вспаханной земли *¹. Можно ли исцелить отношения с Авелем, можно ли исцелить отношения с людьми, погибшими в газовых камерах? Отношения с жертвами не прекращаются, уничтожение не смогло уничтожить эту связь (как было запланировано). Последствия греха не устранены из мира;

*¹ Быт 4:10

7. Опубликовано на немецком в: Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce. 1951. Т. 7. S. 222.

связь с Богом требует употребить все силы для их исцеления. Это обязательство не заканчивается ни со смертью жертвы, ни со смертью преступника. В католической традиции для этого есть образ «Чистилища», который можно объяснить только верой в полную справедливость: пока не произошло коренного очищения, на небо принять нельзя. Для Хёсса это означает: ему придется научиться смотреть в глаза своим жертвам и из этого понимать себя. Ему еще предстоит понять весь размах собственных преступлений и горько плакать. Он имеет право увериться в любви Бога, но ему придется принять, что всё, что ей противостоит, будет «сожжено»⁸. Ему придется до последнего края узнать, что значит любить. Другие — это путь к Богу.

Как здесь возможно исцеление, как передать напряжение между бесконечным милосердием Божиим и Его абсолютной справедливостью? С человеческой точки зрения это уже нельзя себе представить. Тут неуместны никакие образы. Остается непостижимая тайна зла. Но остается и любовь Бога как непостижимая тайна, и остается надежда, что она в конце концов победит.

Для церкви эта глава не может закончиться исповедью Хёсса. Внимание к преступнику включает также и внимание к жертвам. Если церковь хочет исповедовать милосердие Божье, то таинство исповеди означает, что церковь примет участие в ответственности, вытекающей из последствий греха Рудольфа Хёсса, и с любовью и покаянием продолжит работу по примирению, которую предстоит делать здесь, на Земле, еще необозримое время.

Перевод Ольги Асписовой

Источники и литература

1. *Autobiographische Aufzeichnungen* = Kommandant in Auschwitz : Autobiographische Aufzeichnungen von Rudolf Höß / Eingeleitet und kommentiert von Martin Broszat. 12. Aufl. München : Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1989. 188 S.
2. *Batawia* = Batawia S. Rudolf Höss : Komendant obozu koncentracyjnego w Oświęcimiu // Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce. 1951. T. 7. S. 11–58.

8. К библейскому образу очищения «горнила для золота», ср.: Пс 21:10 (Пс 20:10 в синодальном переводе), Притч 17:3; Мал 3:2–3; 1 Кор 3:13–15.

3. *Deselaers* = Deselaers M. “Und Sie hatten nie Gewissensbisse?” Die Biographie von Rudolf Höß, Kommandant von Auschwitz, und die Frage nach seiner Verantwortung vor Gott und den Menschen. Oświęcim : Wyd. Państwowego Muzeum Auschwitz-Birkenau w Oświęcimiu, 2014. 432 S. : il.
4. *Gilbert* = Gilbert G. M. Nürnberger Tagebuch. 2. Aufl. Frankfurt am Main : Fischer, 1963. 456 S.
5. *Rosenberg* = Rosenberg A. Das Wesensgefüge des Nationalsozialismus. München : F. Eher nachf., 1933. 80 S.

Priest Manfred Deselaers

The Likeness of God in a Mass Murderer? God and Evil in the Biography of Rudolf Höss

Rooted in „theology after Auschwitz”, the article places the traditional question “where was God in Auschwitz?” before the question “where was God in the Auschwitz commandant’s life?”. The author analyses the social, historical, biographical, psychological conditions that influenced the formation of the commandant of Auschwitz Rudolf Höss and raises the question of God and evil in his life. The article is based on the detailed analysis of Höss’s autobiography “My Soul, Evolution, Life and Ordeals”, which allows tracing how God-likeness in Höss’s inner world gradually faded away, since he betrayed the voice of the heart and replaced his conscience with National Socialist ideology, letting evil structures grow. He thus split his world into an inner and outer one and turned his life into a struggle against enemies who must be subjugated or destroyed. The theological question of preserving the “image of God” in a mass murderer is associated here with the biblical concept of “heart”, the existential center of the person, either open or closed towards the Other — God and man. In the conclusions, the author formulates the antinomy between the infinite mercy of God and his absolute justice. In the light of this antinomy, the question about the fate of criminals in eschatological reality can be raised.

KEYWORDS: Rudolf Höss, theology after Auschwitz, image of God, National Socialism, repentance.

References

1. Höß R. (1989). *Kommandant in Auschwitz : Autobiographische Aufzeichnungen von Rudolf Höß*. Eingeleitet und kommentiert von Martin Broszat. 12. Aufl. München : Deutscher Taschenbuch-Verlag.

2. Batawia S. (1951). "Rudolf Höss : Komendant obozu koncentracyjnego w Oświęcimiu". *Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce*, 1951, t. 7, pp. 11–58.
3. Deselaers M. (2014). "Und Sie hatten nie Gewissensbisse?" *Die Biographie von Rudolf Höß, Kommandant von Auschwitz, und die Frage nach seiner Verantwortung vor Gott und den Menschen*. Oświęcim : Wyd. Państwowego Muzeum Auschwitz-Birkenau w Oświęcimiu.
4. Gilbert G. M. (1963). *Nürnberger Tagebuch*. 2. Aufl. Frankfurt am Main : Fischer.
5. Rosenberg A. (1933). *Das Wesensgefüge des Nationalsozialismus*. München : F. Eher nachf.